16 15 17

„Фольклористы"

22 г.

Кн. стихов Голубчика-Гостова.

Мес. Октябрь.

16 15 17

„Фольклористы“

22 г.

Кн. стихов Голубчика-Гостова.

Мес. Октябрь.

ПЕТРОГРАД,
Типография Петроградского Единого Потребительского Общества.
Печ. 1000 экз. 1922. Главлит № 4823.

„фольклористы“.

Раскаяние Голубчика—Гостова.

О деклассированном „не крупно“
Горланил Фольклорат.
Материалистам недоступно:
Фантастический мировой захват.
Будемте тучи белые вместе
(Живые как люди) сиять.
Только коммунисты солнечной вести
Солнечной вестью спаять
Синего пространства палачи
Слезы хризолиты множьте вы.
Как о прошлом плачу
От верхушки до подошвы.

Телефон.

Кусками железа
Рука опуталась и лезла
И целилась в лицо она
Рука бутафорская клоуна.
Стучит непредметный аппарат
Я не сплю я
Говорю по телефону —
Под впечатлением буффонад
Проснулся. Проснулся Соломоном.
Т. е. таким Маяковский не был.
Это не значит никогда не будет Маяковский.
                                        Я говорил,
Что проснулся. Раковский,
Троцкий, Зиновьев, Ленин
Владимир Ильич—разговаривают
С большим рвеньем
Со мною спящим.
Спящим неверно.
Проснувшимся, правильно:
В небесную контору поверенным
Звоню я также об умерших авельно.
Аппарат беспредметный мысли.
Не мысли беспредметной а иной.
„Соломон!" „Что угодно?" „Слушай Соломон:
                                        Совести каиной".
Стучал непредметный аппарат.
Потихоньку говорю по телефону
Под впечатлением буффонад
Проснулся. Проснулся Соломоном!

(Если декламируется на сцене — синие молнии и распростертые руки несколько времени:

Слово о лихом времени
посв. журналу „Жизнь“),

Саратовские тыквы
Кувырк
Мальчишка в сызра̀ньский котел.
[Сливают.. красную... чашу...]

. .

Ночь и лягушек
Заглушая
Столбы праздника прямоезжего пляшут
И... солома из пушек!
Страха и крови, с мычаниями,
Семь проходило коров.
Кровавые столбы.
И в том вине Грубещов.
Кипит вино.
А над нами красное и влажное небо.
Режут. Капала (с облака) кровь —
Кони бредут по хлебу.
А днем горел Красный Двор
На дозоре
И лизал самое сизое небо.
Снарядно! (Красно)
А к ночи
Пыль пошла..
По небу идут зеленые знамена.
На холодной реке
Пароходы, стоят.
Болят твои раны
И революционна
И того холодна

Твои раны болят.
Мерьте длинными шагами
Пасмурные дни свои.
К берегу сойдитеся рядами:
Чтò — коммунисткам — привезли?
Пароходы белые, неподвижные игрушки,
Что вы не вертите черные валы?
Чуешь Александр... Сергеич, Пушкин!
Голод обнимает народные залы.
Саратов высокий и белый Саратов
Я вспомнил: Обломовка там.
„Стрелил белый город
аристократов“
А слышу: стонешь, стонешь и сам.
Не едет по рассвету с рожью
Серебрянною колонист.
Качайтеся виденья: татарин
В шапке, золотой.
— глянь — попы
На раскаленной золотой — планете.
. . . . . .
Не проскрипит сегодня хлебом
Серебрянным моя Сызрань.
.
Сияние в лучах — глянь —
Сияние в лучах.......
В века сияющее лето...

Шапкун.

(Т—щам по плену Урнышову и Наглому).

1.

В Австрии, Шапкун,
В горах,
Думал о революции.
Он думал
На вершине
Так:
Темный город, башня...
Предрассветная
Звезда, горящая
Над краснокрышей
Башней,
Это будущее республики.
Он думал
Так:
Небо
Здесь называют Фирмаментом,
Синее
И синее
И темное!

2.

Шапкун взрывал в горах
Камень.
Для этого подкладывают
Динамит и проводят фитиль.
Камень на тачках
Перевозят в долину,
Где ставили памятники.

3.

Видели вы
предрассветную звезду?
она потухает и брыжжет.

4.

Шапкун любил песни каторжан.

5.

Отчего сияет в долине
Крыша башни?
Это не там где памятники.
Чуть, чуть
И крыша бы зашуршала...
А выше и ниже
Освещенного
Острея и звезды
Идет ночь.
Видели вы
Небо в горах?

6.

Небо в горах
Никогда
Не стоит на месте.
Оно всегда так быстро движется,
Что кажется будто и вершины
С ним движутся...
И, наконец,
Нельзя отличить
Вершин от туч.
Иногда на краях
Неба
Появляются
Розовые облака,
Но иногда это вершины,
Которые тоже розовеют,
Как облака.
Ночь идет.
Да. Ночь идет.

7.

Небо, как будто составлено
Из отдельных, темных,
Стеклянных полос.
И когда смотреть
Вверх,
То через одно небо
Просвечивается другое.
Какое синее, какое
Темное небо.

8.

В долине, только не в той,
Где светит звезда, а в другой
долине,
Среди соснового леса,
Там широкое кладбище.
Кругом него строят
Каменную стену —
Это будет настоящая крепость.
Какие высокие, темные —
Памятники.
Солдат-Мальчиков скончалося
сколько.

9.

Шапкун рабочий. Самый
Сильный и отважный
Человек на пол —
Австрии.
Он знает что нужно. Надо
работать—
Мускулами. Он много работает.
И в долине
Куда он спускается за обедом,
Он не сидит, согнув спину,
Чтобы смотреть меж ногами
на котелок,
Или, раскрыв рот солнцу,
Слушать...
Он делает известь,
Размешивая воду, очищенным
деревом,
В огромных массах белого
порошка...

Сядемте в ряд московские.

Во мне боролися стихии:
Я тонкий лирик и мечтатель.
Когда над пышущей Россией
Я не был наблюдатель... точно
Я был всесветный и холодный.
Певец другим „революции“.
Во мне боролися стихии:
Я тонкий лирик и мечтатель.

Сядемте в ряд московские, саратовские, тульские, пермские и придумаем революционную историю.

I. На площади.

1.

Возле театра
Волнуется,
Рабочий с мельницы.
Холодный октябрь.
Надуется,
Надуется...
Гудят столбы телеграфа.
На одном повесили графа
Бордо.
Светлая площадь в солнечном
золоте.
Люди живут в холоде:
Митинг.
По ней бегут и выкрикивают.
— Запирайте магазины —
Подстрекающе кричит
Седая булочница.
Боже! Не закрыть витрины.
Верит. Тоже.
Она пытается прикрыть ставни
Своей кофейни.
Ветер дует в складную ставню,
Будто в парус.
Болтается веревочка на гвозде
ставни
Между ставней и седой головой
Беспомощной женщины.
Митинг. Митинг.

2.

— Будет говорить т-щ Костя—
Толпа разростается.
Так старается,
Ползет с боков.
Со стороны,
Из за театра —
Второстепенных улиц,
Кои удалены.
Ползущих всасывает
Толпа
С двух сторон.
Сон!
Ибо все признаки бунта...
На крыльце театра
Блондин в золотых пуговицах.
И он
Городского училища
Учитель.
А мальчик,
С доверчивостью,
Прислушивается,
Вслушивается...
Но скоро лицо его
Делается враждебным.

3.

Глаза учителя и ученика
Сходятся.
У первого холодные и без-
различные
И отличные
У второго, дерзкие.
— Долой Керенского —
Страстно крикнул мальчик
В состоянии невменяемости.
В толпе движение.
Под крыльцом появляется
На возвышении
Нач. Милиции.
Рядом с ним показывается
Молодой человек.
— Тише. Тише —
Будет говорить т—щ Костя.

4.

Учитель городского училища,
Отряхнув ладонью мундир,
С франтоватым и обиженным
видом,
Сходит с крыльца и наискось
По площади
Идет по направлению к
Кофейне.
Улица совершенно пуста.
Магазины заперты.

5.

Нач. Милиции пытается
Перебить оратора —
Напрасно старается.
„Замолчать"
Сверкнув черными глазами
Приказывает Костя.
Товарищи.
Варищи.
Замолчать.
Шум в ближайших рядах.
„Ах":
— Долой Керенского —
Шум не дает говорить т—щу
Косте.
Он страстно машет руками:
— Да здравствует совет...—
— Ура-а-а-а.—
Покрывает голос т—ща Кости
Народ.
Да здравствует...
Снова пытается кончить т—щ
Костя.
И опять раздается „ура".

6.

В воздухе чувствуется
Приближение какой то
Катастрофы:
Спокойно плывите кораблей
моих строфы!
Площадь темнеет.
— Т—щи не расходись.—
— Казаки —
— Какие —
— Т—щи на расходись —
Где Нач. Милиции? беспокойно
пристает
Мальчик к незнакомому ста-
рику.
— Агу!
В театре—успокаивает старик.
Где Нач. Милиции? опять спра-
шивает мальчик.
— В плену—поясняет старик:
— Ну! —
Мальчик радостно улыбается...

7.

Казаки.
Какой то торговец —
Купец
Бежит по улице
С улицы
С перепуганным лицом.
В толпе
Свист.
Купец!
Седая булочница
Выглядывает из за двери.
И все верит — в Бога.
— Буржуйка —
Она прячется.

8.

Толпа быстро редеет.
На площади из-за собора —
Скоро —
Появилась сотня казаков.
Поспеет.
Сотня скачет прямо к театру.
— Ах, сукины сыны!
Они в самом деле будут стре-
лять.—
Приговаривает, взволнованно,
Буржуй и держась
Обеими руками за живот
Продолжает бежать по улице
С улицы
К собору.

9.

Любопытная старуха снова
Выглядывает
Из-за двери.
Оглядывает,
Возле театра не более
Пятидесяти человек.
Передние ряды хватают
Булыжники на мостовой.
Бой!
Резко выделяется белая
Фигура „рабочого".

10.

Казаки, словно колеблясь
Из за участи Нач. Милиции,
Нерешительно,
Останавливаются
На расстоянии.
Из толпы бросают камни.
У казаков упала лошадь.
Другая закружилась расстраи-
вая ряды.
Народ бросается на них.
Кавалерия убегает.
Доло-о-о-о-й. —

II. Диакон.

Золотой ризы диакон.
Как он:
„Господу помолимся“.
И молимся.
Как у веников волосики черные.
Византия: золотая, упорная.
Веселый диакон.

III. Ярмарка.

1.

Легкомысленная ярмарка!
Ярмарка в полном разгаре.
Опять мы с диаконом баре!
— Ай, ярмарка!

2.

Несколько раззолоченных
И тонких кавказцев, в
Синих черкесках и красных
Башлыках проскакали в милицию.

Гекзаметр из уважения.

Крепкие двери железные царь Любомирский построил:
Эти рогатые двери делали пленники турки,
В рост человеческий, камень огромный, сложили стеною.
Место вокруг обведённое в горы соседние смотрит.
Монастыри, или белых товарищей смотрит... и видно
Издали много дубов на стене обведённой по круче.
Львы по стене... архитектор турецкий работал.
В ямах томилися вскоре, побитые, турки, татары,
Справа железных дверей над рекою сидели в темницах
И по другой стороне, где пытали и мучили разно.
Ближе отсюда к мосту; все, колодец и грубый и вечный
Стражей тогда охраняли и главная стража спала здесь!
Но под землей и в темницах со дна его воду давали
Пить заключенным и будто она молока для них слаже.
Возле колодца на камень всегда запирали строптивых
Пить одному не давали—орудия пыток остались.
Стены кой где развалились и вместо природного камня
Тонкий кирпич поместился не крепкий и мелкий, новый!
Цифры, фамилии, буквы и даты—по стенам высоким.
И по ступенькам старинным—бархат не тронут.
В царские комнаты там, по ступенькам зеленым и темным
Вход у железных дверей... только там у них было спокойно!
Стонов не слушал внизу под собой и с боков Любомирский—
И невозможно им голоса было за камнем услышать!
А на другой стороне под защитной стеной на площадке
Дуб есть старейший и листья на дубе том, будто лопаты.

Дети бесстрашно когда то резвилися, царские дети,
И об'яснялися позже в любви идеальной у дуба!
Кто то ученый и умный острые, красные крыши
Громоотводом, столетье спустя, защищает от неба.
Провод оборван теперь и под крышей качаться оставлен.
(Если в субботние дни и воскресные—солнце, погода,
В гору по пыльной дороге идут не спеша горожане
И на площадке у дуба пол—квартами пьют они пиво).
Пусто, никто не живет в помещениях царского рода.
Только одна сторожиха—горная птица живет здесь!
(В Рим, Будапешт разбежались наследники, князь Любомирский
И горожанин не помнит свою родословную даже).
Rex Lubomirski... et contra Tartorum... et anno in... et anno...
Надпись железных дверей прочитает сбиваясь приезжий.
Contra Tartorum... et anno... придется порыться по книгам!
Царь Любомирский... был вспыльчив, по книгам везде прочитаешь
Много об этих руинах напишет седой археолог
И молодым гимназистам (экскурсии краковской) скажет.
Но одного гимназисты и тот археолог не знают,
Где над рекою мелевшею смены стоят под ножами.
Пусто, никто не живет в помещениях царского рода.
Только одна сторожиха—горная птица живет здесь!
И высоко над рекою для внешнего мира неслышно
Фабрика шьет сапоги в пожелтевши сыром помещеньи.

В небе голубом...

В небе голубом колесница
И кони революционной масти!
Не такие кони у Ирины.
Любит сильнее Гастев.
И голубой арены стуки
Потрясают судорожно мост
У рабочего лом и руки
Под Петром зеленый хвост.
А под небом набравшем снегу
Желтый перс читает проворно.
В книги черные что погрузился
Желтейший сенат упорно.
И стоит под черными ангелами
Не Исакий, не сизоват!
И читайте... еще и еще:
„правительствующий сенат“.

В мире.

Под голубым пространством неба небо —
Сгущенный пар (Кусок планеты — небо.
Под голубым пространством пара. Не — по.
Я —
Дитя
Планеты.
С ночкой —
Голубые лампасы!
В черной яме голубой точкой
Освещает- самоделковая лампа.
Что за ничтожность
для... конечности
Изобретения, деревянный стул и люди.
Часть планеты, как это небо.
А планета — точка неодушевленного Mundi.
Черные иголочные знаки
На голубом приложении: Овидию
Раки Козероги Зодиаки.
И под этим проливным небом
(Как в Японии)
Стояла шинель зимняя яблоня
Двигала серыми усами.
Сам ли
Я подумал: „о египтянах"
И от пару и воды и шинели
Чувствуем: великан, великаном.
Такому нельзя белого яблока
С'есть в эту погоду?

Что то похожее на молозово.

(Разговор с девушкой).

„В имении какие кони“
Были у Морозова.
Сегодня сиренево небо
Варило нам „молозово“.
С кастрюлью из красной меди
Кухарка, мерещилось, на кухне.
Больше сиреневое бухнет
Небо послеобеденное.
Сегодня сиреневое небо.
„Когда с‘езжались помещицы“
Клубнику подавали пахучую,
Сцеживали кровь
Отелившейся коровы,
В сиреневое молоко били
Гору яиц розовую.
Как сыр кушанье
Рыхлое выходило Морозова!
Сегодня сиреневое небо
Варило нам „молозово“.
Коровы лизали языками
Красивых, преданных служанок.
Кони вращали глаза...
Сладких, пахучих баранок
Сколько с‘едали девушки —
Крепкие, маленькие вишни.
Все доверяли девушкам.
И пахли хорошо яишни
Молодой служанки Морозова.
„Какое сладкое сиреневое
Делали девушки молозово“.

Полосатое сражение.

(По Васнецову).

Из огня на ленте синей
Птичка белая порхнула,
Стекла в штабе, люди в гмине
И еще поля вздрогнули.
И по тучам с дрожью линий
Птичку черную пугнули
Время ждет на половине.
Тридцать навело орудий дула.
И стада в лесу сосновом
Под защитным стоят кровом.
По разлекченной — природе
Сплав растопленный летает.
На дрожащем низко своде
Лента желтая... для бала.
Только птицы — крик изводит.
Только хлюпанье металла.
По заре той в русском роде
Птичка птичку догоняет.
В цвете разном — полосатом
Небо стелется плакатом.

Двуединому прошлому, императорской Австрии. Австрийскому фольклору посвящается эта часть: „В этом доме деревянном“ и др. (**Лирика Лирики**).

Волхвы. потешествуют.

Я я — я —
Прогуливающееся. Не
Императорское. Не
Шарлатанское
Я.
(Красная мантия).
Издаю.
Не имеющее отдыха
Я
Красная мантия.
(Эксплоатируемое).
Я—фольклористическое.
А коммунистическое?
Футуристическое?
Интернациональное.
Чернорабочие, солдаты,
Фольклористы и поэты —
Я.
. . . .
Дух революции! Всюду!
Красная прачка! *) — это (уже) революция!
Крулевка! в Крулевке ого
Какая и в горах и в
Соляной Бохне.
. . . .
Так прояснится же лицо
всякого человека.
(В Австрии...
Нахмуренный скороход!)
„И волхвы со святою звездою потешествуют“.

---

*) В смысле: революция.

В этом доме деревянном.

1.

В этом доме деревянном,
Старом, красном, черепяном
И за старым, красным „гуком“,
И за кустиком жасмины
И за стеклышком гардины
Ночь прорезалася звуком.
Платье белое я вижу.

2.

Платье белое я вижу.
И хозяина увижу.
В этом доме в услуженьи
И любовь свою предвижу.
...Под краснеющую крышу
Есть хозяин в доме рыжий:
От земли и до карниза.
Смотрит он бычачьим глазом,
Равнодушно видит сразу:
Люди всякие там снизу.
Что ему и безразлично.
Он хозяин и отлично.
Но громаднейшие люди
Вымирают прекомично!

3.

Я смеюсь над тем что старо.
Что дразню я красным, яро.
И дразню я красным цветом.
И как бык вы раз‘яренный

С головою наклоненной,
Помешаетесь на этом!
И как бык бурдово-яркий
И как бык пригнулся старый:
Старый мир нагнулся старый.
Темной мантией и красной
И машу я тёмно-красной!
Мясники все это знают.
За рога быков хватают.
Подбивают ноги.
Я смеюсь над тем что старо.
И дразню я красным, яро —
на дороге.

В полдень.

Покатили из всех гмин
К смотру по дорожке.
Итальянец: „Амуху!“
Подражает кошке.
Офицер кого-то нес
В золотой обложке
И Корольке поклонился
В красном босоножке.
В синих шляпах мужики
Поклонились „Мошке“ *).

---

*) Безобидная ругань.

В полдень.

В синих шляпах мужики
Поклонились „Мошке“.
Кабатчику „Мошке“.
Солнце светит как огонь
На одном окошке
И Корольке целит в глаз
Девке босоножке.

Карусель.

У полковника жена
Карусель и пламя.
Закружился кто влюблен.
А влюбился сразу он.
У седого старичка
Беленькое знамя *).
Как то было при заре.
Бык игрался на горе.
На дороге тишина.
Вышла первая она.
Вышла первая она
Карусель и пламя.

---

*) Буржуазное.

Любовь к мелкой буржуазии.

Когда ты продаешь сельтерскую воду
И кармином подкрашенную воду
И говоришь, что это сироп,
А я покупаю прянички из миндаля,
Клянешься ты, что лучшего миндаля
И я выплевываю красный сироп
И когда ты одеваешься
В зеленое с вырезом
И когда ты одеваешься:
В черное платье...
То что ты обещала я жду.
То что я обещал:
Я не буду больше ни с кем гулять.

Почти пролетарская любовь: Дашка, еврейка и я.

У меня есть специальная рубашка
И я ее часто ношу.
Меня любит девушка Дашка
И я ее тоже люблю.
А еврейка одна мне сказала:
На улице стыдно стоять...
А Даша мне розу отдала
И все просили розу потом.
И все девушки мне давали
Акацию, усмешки и красивые цветы;—
Я думал, что оне не понимали,
А понимали трое только мы!

Красотка Марта.

— От кого пришла ты?
— Я пришла от Марта.
Первое марта! Девушка Марта!
Я обнял красотку девушку Марту.
Я обнял красавицу девушку Марту.
Первое марта! Девушка Марта!
Сидела и краснела осталась и смеялась.

На краковском рынку.

На кракóвском рынку
Музыка и танцы.
Шкаф звенит игральный:
Ходит барабан.
Коровии — ранцы.
Коровии — ранцы.
Гуляй дзвон кракóвски!
Рой стоит бесовский!
Пьет веселый Ян.
На кракóвском рынку:
Видели овчинку,
Коник воронéнький
Ножкою гребет.
Коник воронéнький,
Здесь мой милюсенький!
Гойда, гойда, гола!
Милуй нас Лойола!
Не решилась Лола.
Пьет веселый Ян.
На кракòвском рынку
„Есть улица Павья *).
Есть одна каверня на улице той.
Надпись там сияет:
Музыка играет
И что за паненки
Танцуют у нас!“
Пан вернулся поздно.
Дома была пани.
А на утро пана звали
в Криминал...
...Ян в тюрьме пропал.

---

*) Павла.

На вершине.

(Тирольский мотив)

(Лонца—долина. Купельдом — розовый восход). Сакрамент—чем причащаются католики в Галиции и др. мест.

Одна звезда на Лонце...
И в брызгах под шатром.
И ярко, будто солнце,
Над светлым остреем
И башней краснокрышей
Потухнет и блеснет
(Внизу его и выше,
Под нами, ночь идет).
И розы так прелестны
И темно так в горах
(Молитвы... тьме небесной).
И в шалях, и платках;
Темнее и любезней
Глубокий Фирмамент.
И лебединой песни:
Святейший Сакрамент.
Одна звезда на Лонце
И розов Купельдом.
И яркая, как солнце,
И в брызгах под шатром.
И розовы и лживы
Явились и пройдут
И тучи и масивы
Изменчивы. Идут.

Ручные жернова.

В щелку камня положила быстро горсть.
В щелку камня положив пшеницы горсть
Палку длинную в опасный пустишь ход.
Ход.
В ямке серого толкаться пустишь в ход.
Путь томительный и долгий: путь наш сер.
Быстрый камень и в пыли мучной и сер.
Если хрустнет близко к дому чей то шаг,
Млин наш станет...

На сцене.

Выходят фольклористы
В красных костюмах,
В синих польских костюмах,
В серых немецких костюмах
Разве бывают такие костюмы?
Ура! фольклористы!
Саблею громыхают фольклористы!
Дипломаты, бабы в красных
Платочках (с черными точками).

Розовый замок.

Посв. И. Гольдинову.

Вы не видели этого замка,
Эти светлые розы и ласки.
Непривычная... розово-рамка —
Вы не видели этого замка.
Где так розовы, розовы краски.
Не губите же розово-сказки.
Вы не видели этого замка,
Эти светлые розы и ласки.

* * *

Между тенью — звонящей колонны,
В этом замке престол из рубина.
Эти строгие мрамора звоны!
И лучом освещен верх колонны...
И лишь синяя сброшена тина
И мечта и чиста и невинна,
Между кованой тенью колонны
Подходил я к столу из рубина.

* * *

А мечта о мечте замирала:
Кро́вь счастливою билась волною...
И светлей становилася зала.
А мечта о мечте замирала.
И так странно все было со мною.
Мне бороться хотелось с собою.
А мечта о мечте замирала,
Кро́вь счастливою билась волною.

* * *

Вы не видели этого замка,
Эти светлые розы и ласки.

Золотое стадо.

Нечего высчитывать!
А я слышу, высчитай,
Две бабы переговариваются
В рассудке.
Маковые точки на красном...
Им нужно высчитать,
Как сделать чувство.
А что мне такому
Высчитывать?
Такому **может быть** чувствительному?
Кончил не кончил.
Ничего не изменилося.
Разве изменилося
Золотое стадо коней,
Что пронеслося топоча и оглядываясь
На мысли во мне?